

собой сочетание ряда понятий. Согласно автору, логический субъект и предикат представляют собой каждый — одно понятие, которое не может состоять из ряда понятий, так же как слово не может состоять из ряда слов. Последнее утверждение в принципе не вызывает возражений. Что же касается отрицания возможности существования «составных понятий», которым соответствуют группы знаменательных слов, то здесь не все ясно.

Согласно автору, в предложении *Испуганная нами ворона взлетела на высокое дерево* выражается только два понятия, одно из которых является логическим субъектом, другое — логическим предикатом. С точки зрения двухкомпонентности строения суждения это бесспорно. Аналогично, в предложении *Ворона взлетела* также выражено два понятия, составляющих суждение. Очевидно, однако, что структура, объем и содержание понятия, выраженного словом *ворона*, отличается от структуры, объема и содержания понятия, выраженного группой слов *испуганная нами ворона*. Аналогия с грамматическим утверждением о том, что слово не состоит из слов, вряд ли может служить доказательством.

Невозможность составных понятий автор аргументирует тем, что допущение составных понятий «предполагает, что компонентами понятия как формы мысл-

ления являются те же понятия, и в то же время понятия являются компонентами другой, качественно отличной от него формы мышления — суждения» (стр. 7). Возникает вопрос, почему этого, собственно, не может быть? Ведь речь идет не об одном и том же понятии, которое одновременно есть компонент другого понятия и компонент суждения, а о том, что ряд понятий составляет новое составное понятие, которое в своей целостности выступает как компонент уже иной формы мысли — суждения. Этот вопрос также требует специального изучения и анализа.

Монография В. З. Панфилова освещает и затрагивает обширнейший круг очень сложных и спорных вопросов. Книга в целом представляет собой серьезный вклад в разработку сложнейшей научной проблемы, которую автор стремится последовательно решать с позиций философского материализма. По необходимости здесь рассматривалась лишь часть затронутых автором проблем, что далеко не исчерпывает всего богатого содержания книги. Многие предложенные автором разработки и решения, несомненно, войдут в научный обиход. Спорность освещения ряда проблем в работе толкает к размышлениям и будет способствовать дальнейшей их разработке.

В. М. Солнцев

W. L. Chafe. *Meaning and the structure of language.* Chicago—London, The University of Chicago Press, 1970. 359 стр.

Книга эта, по словам ее автора, была создана потому, что в течение многих лет он испытывал глубокую неудовлетворенность как всеми теми лингвистическими теориями, которые существовали раньше, так и теми, которые сейчас все еще находятся в ходу, потому что всем им якобы не удавалось рассматривать язык как систему, связывающую значения со звучанием или, точнее, им не удавалось прежде всего объяснить лингвистические факты. Все они не умели рассматривать как свою первую и самую важную задачу — сущность той связи между звуком и значением, которая создает язык.

С этой точки зрения особенно неудовлетворительным оказался йельский структурализм, который ориентировался полностью в семантическом направлении, т. е. ограничился, по существу, всецело только семантической стороной. Кроме того, преувеличенный эмпиризм структуралистов явился причиной естествен-

ного недоверия к каким-либо обобщениям, кроме наиболее «прозрачных» абстракций. Но и эти последние ограничивались только поверхностными структурами, которые по самой своей природе не способны раскрыть глубоких структур, или структур с е м а н т и ч е с к и х. А ведь последние очень часто существеннейшим образом отличаются от первых, причем тем фактором, который вызывает это расхождение или несовпадение, является языковое изменение, или то, что Чейф называет «идиоматизацией».

Глобальная задача языковеда заключается в том, чтобы выяснить, каким путем примитивные «символизации», т. е. сигналы, подобные свистку или гудку, возвещающим полдень, или же круговому танцу пчелы со значением «рядом, близко нектар», постепенно превратились в человеческий язык в том виде, в каком мы его знаем. Чейф добавляет, что изменения эти происходили под давлением непрерывно развивающейся концептуальной стихии. Отсюда трудность, кото-

рая заключается в том, чтобы объяснить, каким образом непрерывно расширяющийся концептуальный инвентарь может воплотиться в сравнительно ограниченный инвентарь различительных средств в плане выражения или, как говорит Чейф, «в чрезвычайно ограниченном символическом или символизирующем инвентаре». Правда, в наиболее общем виде ответ на этот вопрос дает учение Мартине о двойной артикуляции или «двойность» Хоккета.

Речь линейная, в то время как понятия свойством линейности не обладают. В семантических, или глубоких структурах они объединяются, комбинируются в разные конфигурации. При помощи «линеаризации», т.е. придания им линейного характера, глубокие, или семантические структуры конвертируются в структуры поверхностные. После этого, т.е. после того, как им был придан характер линейности, концептуальные единицы оказываются готовыми для того, чтобы подвергнуться последней операции или последнему шагу во всем процессе, т.е. превращению в произвольную конфигурацию символических единиц. То, что возникает в результате этой последней части процесса или этого последнего превращения, можно назвать фонетический структурой. Процесс, при помощи которого этот результат может быть получен или получается регулярно, называется «символизацией».

Из сказанного может создаться впечатление, что наконец-то значение и звучание оказались тесно и надежно связанными друг с другом. Однако, дойдя в своем чтении до § 4 («Результаты фонетического изменения»), мы обнаруживаем, что семантическая сторона вовсе не обязательно оказывается связанной с изменением стороны фонетической и наоборот. Это положение подтверждается развернутым анализом примеров из индейских языков — онондага, каддо, пейют. Отсюда следует, что говорящие могут реализовать символизацию только в том случае, если они сами выступают как своеобразное устройство для внутренней реконструкции, т.е. такое устройство, которое реконструирует как «формы», принимаемые за лежащие в основе последующих процессов и лишенные фонетического выражения, так и те процессы, которые позволяют перейти от такого рода «форм» к конечному или эвентуальному фонетическому продукту (что, конечно, не исключает прямого запоминания фонетических структур для некоторых специфических слов и предложений).

Из сказанного следует, что, по существу, те линеаризованные, т.е. получившие линейный характер единицы, которые характеризуют поверхностные структуры, не символизируются фонетически непосредственно, а лишь через целый

ряд дофонетических стадий, взаимосвязанных при помощи фонологических процессов, причем изменение семантической стороны создает аналогичную ситуацию. Так, например, *red*² в *red hair* (при условии, конечно, что это значение совершенно другое, чем значение *red*¹ например, в *red flag*, т.е. принимая, что в современном английском языке не существует только одно единственное *red* для обозначения всей цветовой шкалы от алого до оранжевого и что *red*¹ «красный» и *red*² «рыжий» являются омонимами) предполагает существование *red*¹ для того, чтобы подвергнуться идиоматической символизации в английском языке. Следовательно, значение «рыжий» должно быть сперва обращено в постсемантическое *red*¹ и воспринято от последнего его нормальную символизацию. Эти положения иллюстрируются на многочисленных примерах, особенно с фразеологическими единицами, такими, как *be on the wagon*, *spill the beans* и т.п., имеющими целью показать, каким образом историческое явление «идиоматизации» (*idiomatization*), создавая единицы, лишенные собственной, или прямой символизации, приводит к тому, что реально существующие выражения («семантические структуры») языка не оказываются прямым и непосредственным процессом, не ведут к простой или непосредственной реализации первоначальной «символизации», а оказываются отражением гораздо более сложных взаимоотношений. Заметим, что специфические «постсемантические» процессы, приводящие к выражению грамматических значений, снабжаются у автора своеобразными металингвистическими обозначениями, причем наряду с такими, как, например, согласование (стр. 51), прономинализация, фигурируют и другие, менее ясные [см. § 6 и особенно § 16, где мы находим такие понятия, как *literalisation* (например, *driveway* = *drive* + *way*), *miscellaneous deletions*, *secondary linearization* и т.п.].

Цель всего изложенного в § 7 сводится, в основном, к тому, чтобы придать еще большую рельефность положениям, высказанным автором, в особенности противопоставляя их другим подходам, причем здесь понятие направления и направленности (т.е. *direction* и *directionality*), которые уже фигурировали в § 5, получают гораздо большую выпуклость или определенность¹. Этот аспект, в соответствии с общим направлением рассуждения, разрабатывается в плане прежде всего критического противопоставления данных позитивных построений тому,

¹ Заметим, что этот аспект разрабатываемой Чейфом теории получает дальнейшее развитие в специальной статье под названием «*Directionality and paraphrase*», *«Languages»*, 47, 1, 1971.

что якобы было приятно в языкознании до создания Чейфом его основополагающих работ. Вновь и вновь подчеркивается, что язык это есть нечто, что превращает или конвертирует значение в звучание, но не наоборот, т. е. не звучание в значение. Чейф энергично протестует против двунаправленных процессов (см. стр. 57), которые допускают переход от значения к звучанию и от звучания к значению, как два совершенно симметричных процесса. Как известно, идея двунаправленности основывается на всем известном факте, что пользующиеся языком выступают одновременно и как говорящие, и как слушающие. В качестве говорящих они конвертируют значение в звучание, но как слушающие они конвертируют звучание в значение. Именно на этой основе возникло представление, получившее наиболее крайнее свое выражение у И. Ельмслева, согласно которому выражение и содержание являются координированными равными сущностями во всех отношениях, почему вполне естественно переходить от каждой из них в другую в любом направлении с одинаковой легкостью.

Чейф утверждает, что такое понимание языка является совершенно ошибочным и неприемлемым, потому что между семантической стороной языка и его фонетической стороной, т. е. содержанием и выражением, есть принципиальное различие с точки зрения их объема и сложности. Ведь, как хорошо известно, семантический инвентарь языка б о л ь ш е, чем фонетический инвентарь: именно это отсутствие параллелизма, отсутствие прямого, простого соответствия между двумя сторонами и явилось одним из главных факторов, породивших систему языка в том виде, в каком мы ее знаем. Но различаются они принципиально не только по своим размерам и объему. Семантические конфигурации, к тому же, обладают несравненно большей сложностью, чем конфигурации фонетические, почему постсемантические процессы гораздо более многочисленны и разнообразны, чем процессы фонологические. Отсюда следует, что «символизация» и «фонетический результат» (phonetic output) не представляют собой вполне равномерной и уравновешенной прямой связи, но асимметрическое сцепление одной постсемантической единицы с предфонетической (или дофонетической) конфигурацией. Поэтому переход от значения к звучанию, переход всегда едионаправленный — это постепенный процесс, в течение которого семантически ориентированные признаки кумулятивно сбрасываются подобно змеиной коже, тогда как фонетически ориентированные признаки постепенно накапливаются и откладываются (стр. 70). Более подробно это разъясняется на стр. 234. Сначала постсемантические процессы, при по-

мощи которых семантическая структура конвертируется в структуру поверхностную, затем символизации, посредством которой семантические единицы в составе поверхностной структуры конвертируются в фонологические конфигурации, и наконец, третий этап — фонологические процессы, которые постепенно приводят к фонетическому выходу, т. е. к тому окончательному, конечному продукту, который оказывается непосредственно реализованным или материализованным в общении при помощи языка. Чейф считает очень существенным при этом обратить внимание на следующее: даже те из его предшественников, которые признавали необходимость с одинаковым вниманием относиться как к семантическим, так и к фонетическим явлениям, тем не менее не могли достигнуть существенных успехов, потому что они были в плену той идеи, что семантическая и фонетическая стороны, т. е. значение и звучание, план содержания и план выражения — это, пользуясь словами де Соссюра, лицевая и тыловая стороны листа бумаги (т. е. две стороны одного и того же листа бумаги, которые становятся лицевой и тыловой, т. е. прямой и обратной, просто в зависимости от того, как этот лист повернут). Иными словами, это отношение рассматривалось как статическое, как отношение, лишенное движения в том или ином направлении. Содержание и выражение, в частности у Ельмслева, рассматривались как два функциональные функции знака, присвоение которым названий «выражение» и «содержание» является совершенно произвольным; их можно было бы и поменять местами и от этого ничего существенного не произошло бы.

Школа генеративистов явилась в каком-то смысле шагом вперед, потому что она не является статической. Однако это направление оказалось как бы воздвигнутым на песке, т. е. на гипотетических глубинных структурах, семантическая интерпретация которых якобы может быть осуществлена просто на логической основе. Отсюда роковое смешение категории «истинность — ложность», с одной стороны, и лингвистического, или языкового значения — с другой, неправильное понимание природы перифразы и абсолютное искажение понятия эквивалентности значения (или семантической эквивалентности) как л и н г в и с т и ч е с к о й категории. Следует заметить в связи со сказанным, что критика положений генеративной грамматики проходит красной нитью через работы Чейфа, причем особенно примечательным является тот анализ, который дается им в цитированной выше статье на стр. 4. Начав в своих синтаксических структурах с одностороннего взгляда, свойственного вообще структуралистам, Чейф всячески настаивает на том, что ими создается грам-

матическая теория, совершенно независимо от семантики (хотя при этом и подчеркивалась полезность интуиции для создания лингвистических теорий и проводилось резкое различие между интуициями, касающимися языковой формы, и интуициями, касающимися значения). Так, например, Хомский не находил никаких оснований, чтобы полагать, что эта последняя, т. е. интуиция относительно значения, может принести какую-нибудь пользу для исследования лингвистической формы. Но, как известно, уже в начале 60-х годов последователи Хомского сделали попытку ввести так называемый интерпретивный семантический компонент в прежде разрабатывавшиеся модели языка. В результате получилась весьма любопытная картина. Оказалось, что «глубокие структуры» формулируются без учета каких-либо семантических моментов, а вместе с тем эти же самые глубокие структуры оказались чисто умозрительно или гипотетически непосредственно подпадающими семантическим интерпретациям. Даже в середине 60-х годов, т. е. в 1965 г., Хомский совершенно недвусмысленно утверждал, что нет никаких оснований для того, чтобы считать, что семантические соображения могут играть роль в выборе синтаксического или фонологического компонента грамматики или что семантические признаки в каком-либо осмысленном значении этого термина играют роль в функциях синтаксических или фонологических правил. Таким образом, не было попыток показать, как семантические соображения могут способствовать или содействовать развитию теории в этом направлении. Правда, «семантическое» движение в генеративистской школе продолжало развиваться и только что охарактеризованные взгляды Учителя все более подвергались сомнению (особенно в работах Мак Колли, Дж. Лакоф и Росс). В результате был создан термин «генеративная семантика». Однако, если этот термин будет по-прежнему ограничиваться теорией, основной целью которой является то, что семантическая репрезентация должна осуществляться в терминах все тех же семантических «phrase-markers», то вряд ли из этой теории вырастет нечто, что действительно внесет серьезный вклад в дальнейшее развитие языкознания.

В таком же духе Чейф подвергает критическому разбору стратификационную теорию Лема, все те нововведения, которые предлагает Дж. Лакоф, а также все основные и производные особенности так называемой генеративной фонетики. Но, конечно, наибольший интерес представляет его анализ того обширнейшего лингвистического фольклора, тех бесконечных серий и скоплений специально выдуманных предложений, на которых обыкновенно основывается изложение

методов и приемов генеративной лингвистики. Приведем примеры: *oculists eye blondes = blondes are eyed by oculists; the old lady died = the old lady kicked the bucket; John's uncle = the person who is the brother of John's mother or father or the husband of the sister of John's father or mother = the person who is the son of one of John's grandparents or the husband of a daughter of one of John's grandparents, but is not his father; John killed Harry = John caused Harry to die = John caused Harry to become dead = John caused Harry to cease being alive = John caused Harry to become not alive*; или, если вернуться к *John's uncle*, то это тоже *son of mother of mother, or son of father of mother, or son of mother of father, or son of father of father, or husband of daughter of mother of mother, or husband of daughter of father of mother, or husband of daughter of mother of father...*

Эти примеры, безусловно, представляют собой указанное выше недопустимое смешение категории истинности — ложности — с одной стороны, и категории значения — с другой. Действительно, понятие перифраза и понятие семантической эквивалентности как лингвистической категории во всех этих случаях спутаны самым nepозволительным образом. Может быть, особенно следует отметить то обстоятельство, что даже такие пары, как активно-пассивная трансформация, которая всегда была основной опорой генеративистики, по существу совершенно отрицается Чейфом². На большом количестве прекрасно подобранных примеров Чейф вновь и вновь возвращается к полной непримлемости подобного рода обращения с лингвистическим материалом.

Из всего сказанного с несомненностью следует, что работы Чейфа, причем особенно последние его работы, т. е. книга и неоднократно цитируемая статья, представляют бесспорный и очень большой интерес вследствие острой критической направленности его рассуждений. Но когда мы обращаемся к позитивной части, то прежде всего мы сталкиваемся с одним моментом, который за последнее десятилетие занял большое место в лингвистике вообще и в американской лингвистике в особенности. Я имею в виду соотношение между теорией (или онтологией нашего предмета) — с одной стороны, и его методом (или стороной эвристической) — с другой. Иными словами, когда мы обращаемся к основной части книги «Meaning and the structure of language», то мы обнаруживаем, что ее автору не удалось сделать необходимого следующего шага, т. е. действительно открыть новую страницу: понять, каким образом изложенные выше очень

² W. L. Chafe, Directionality and paraphrase, стр. 11.

трезвые онтологические или теоретические предпосылки фактически воплощаются в предлагаемой конкретной методике исследования, очень трудно. Многие страницы в этой части работы не удовлетворяют, вызывают недоумение. Так, например, на стр. 235 Чейф говорит следующее: «Нет нужды уделять много места процессу символизации, так как он по существу представляет собой взаимодозначную замену единиц поверхностной структуры конфигурациями тех фонологических единиц, которые лежат в их основе, а что касается фонологических процессов, то надо считать очень благоприятным то обстоятельство, что воззрения на язык, свойственные синтаксистам (т. е. имеются в виду правоверные ученики Хомского—О. А.), отводят им (т. е. фонологическим процессам—О. А.) место, существенно не отличающееся от того, какое этим процессам уделяется или отводится в настоящей работе» (т. е. в работе самого Чейфа). Поэтому мы фактически оказываемся перед лицом многих страниц, на которых перечисляются бесчисленные таксоны следующего, к сожалению, слишком хорошо нам знакомого вида, например, *John (agt, N, count, potent, animate, human, unique, definite) has been lengthening (process, relative, action, long plus inchoative plus causative, new, progressive, perfective) the driveway (pat, N, count, driveway, new, definite)*; или наоборот: *V, empty, new → emptied; pat, N, box, new → the box; agt, N, David — David emptied the box!* Если все эти широко распространенные аббревиации и комбинации надо рассматривать как произвольную эвристическую процедуру, которую надо развивать для того, чтобы она когда-нибудь доказала свою жизнеспособность и достигла той степени надежности и доступности, которая необходима для того, чтобы ею могли пользоваться лингвисты, то составить против нее нет никаких оснований. Но если это реальная основа подробно разъясненной выше новой, критически ориентированной, сложной и интересной онтологии (теории), то ею, конечно, следует заняться более серьезно. Иначе говоря, следует ли предположить, что подобного рода анализ действительно отражает то, что происходит в сознании человека, пользующегося языком, когда у него в его психологии возникла некоторая семантическая структура и когда он вследствие необходимости передать кому-то данное семантическое содержание или данную семантическую структуру начинает постепенно «сбрасывать с себя семантически ориентированные признаки, подобно тому, как змея сбрасывает кожу». Понятно, что ситуация еще более осложняется тем обстоятельством, что им же одновременно должны накапливаться и фонетически ориентированные признаки. То, что на

эту тему сообщает на стр. 259 книги Чейф, настолько неожиданно, что имеет смысл процитировать это высказывание полностью: «В большой степени это превращение, т. е. процесс накопления фонетически ориентированных признаков, может быть осуществлен путем правильной символизации очень простого вида, т. е. таких правил, которые более всего подходят к зеркальному отображению правил символизации, наблюдаемых в примитивных коммуникативных системах, подобных той, что была описана выше в разделе 2.10». Эти правила символизации имеют следующий вид:

John — — — — *AAA*
pres-ptl — — — — *BBB*
definite — — — — *CCC*

Они представляют любые конфигурации лежащих в их основе фонологических единиц при условии, что они рассматриваются как лежащие в основе тех фонологических репрезентаций, которые должны получить соответственно *John, -ing, the* при современном состоянии фонологической теории: *AAA, BBB, CCC* и рассматриваются как матрицы дифференциальных признаков (стр. 259).

Чейф предупреждает своих читателей, что все его «формализации» являются предварительными и имеют как бы разведывательный характер. Как бы ни хотелось надеяться, что дальнейшее движение в этом направлении приведет, в конце концов, к полезным результатам, очень трудно удержаться здесь от известной доли скептицизма. Генеративистская лингвистика подняла на щит теорию, и этот лозунг оказался сильнейшим оружием в ее борьбе на заре генеративистской революции, когда утверждалось, что дескриптивисты должны сойти со сцены и что дескриптивная лингвистика не годится, потому что она слишком увлекается методами в ущерб теории. Но теперь получается, что призывы к теории как бы оборачиваются сами против себя и что единственный выход теперь заключается в том, чтобы самым серьезным образом и с учетом подлинных достижений языкознания пересмотреть эвристический аспект заново, без односторонности или предвзятости подхода. Думается, что при этом очень важно также с осторожностью подойти и к так называемым формальным описаниям. Ведь формализация это вовсе не обязательный признак языкознания вообще, вовсе не обязательная предпосылка успешного развития человеческого, а не машинного языкознания, а последнее, как известно, получило такой сильный удар в связи с неудачами машинного перевода, что никак до сих пор оправиться от него не может.

Из того, что было сказано, следует, что рецензируемая книга интересна главным образом критикой некоторых современных лингвистических направле-

ний, с которыми Чейфу приходится непосредственно сталкиваться и из недр которых он, собственно, в значительной степени сам вышел. И несомненным достоинством является то, что основные теоретические идеи автора излагаются так ясно и с такой убедительностью. Однако потребуется еще большое количество работы и не одна публикация для того, чтобы жизненность данной теории

была доказана, т. е. для того, чтобы для языка была принята в ней методология приобрела такой вид, который убедительно свидетельствовал бы о том, что данная гипотеза действительно соответствует процессам, естественно осуществляющимся в естественном человеческом языке.

О. С. Ахманова

Г. Б. Джаукян. Развитие и структура армянского языка (краткий очерк). — Ереван, изд-во «Митк», 1969. 291 стр. (на арм. яз.).

Рецензируемая работа — одна из первых монографий, ставящих перед собой задачу описания системы современного армянского языка с позиций структурного языкознания¹. В книге Г. Б. Джаукяна рассматривается широкий круг вопросов, связанных с историей армянского языка, его современным состоянием, а также с развитием армянского языкознания.

Первый раздел книги, посвященный развитию армянского языка, является обобщением многолетних трудов автора, крупного специалиста по индоевропейскому и общему языкознанию. Материал, изложенный в этом разделе, был опубликован раньше в виде ряда статей и доклада на арменистическом конгрессе, состоявшемся в США в 1965 г.

Основную часть исследования составляет второй раздел, в котором рассматривается структура современного армянского языка. Он начинается главой, в которой дается краткий обзор истории армянской грамматической науки. Этот обзор невелик по объему (стр. 69—90), но в нем достаточно четко намечены основные этапы становления взглядов на грамматику армянского языка. В основу периодизации положены метод исследования и схема описания языка, принятые на том или ином этапе науки. Г. Б. Джаукян в сжатой форме характеризует следующие направления в армянской лингвистике: I период грабаротипных грамматик (XVIII — начало XX в.) — ученые представляют факты современного языка, ашхарабара, в соответствии со схемой описания древнеармянского языка, грабара. II период самостоятельных грамматик (с начала XX в. до наших дней) делится на три этапа: А. Этап формального (имманентного) подхода; Б. Этап семантико-логического подхода;

В. Этап структурно-соотносительного подхода.

Этап формального подхода характеризуется стремлением ученых (М. Абе-гян, Г. Петросян) описать ашхарабар без какой-либо априорной грамматической схемы. Поэтому при исследовании языка преимущество отдается языковой (грамматической) форме. На втором этапе отвергается подход к языковым явлениям со стороны формы. Провозглашается требование исходить в лингвистическом исследовании из содержания (значения) языковых элементов. С позиций структурно-соотносительного подхода автор критикует односторонность ученых и первого, и второго этапов. Развитие современной лингвистики позволяет осознать и оценить недостатки предыдущих грамматик. В книге ставится задача объективно показать реальное состояние языка. Согласно автору, вместо все более и более дробных классификаций, необходимо выявить полную картину структуры языка во всех взаимосвязях составляющих ее сторон и элементов. Каждое явление языка должно оцениваться по его месту и его роли в языковой структуре (стр. 90). Вехи исторического развития арменистической науки, намеченные автором, отражают этапы становления мировой науки о языке. Критерий, избранный автором для периодизации истории грамматических учений в арменоведении, позволяет четко выделить отдельные этапы и охарактеризовать все наиболее существенное в изменении взглядов ученых и практических результатов, достигнутых их трудами.

Далее в книге обсуждаются основные принципы современного языкознания, положенные автором в основу исследования. В этом разделе затрагиваются вопросы об аспектах изучения языка, типах грамматик, языковых знаках, противопоставлении языка, речи и нормы, парадигматики и синтагматики, взаимоотношении языковых единиц и их различительных признаков, о языковых мо-

¹ В 1967 г. в Ереване вышла в свет книга Э. Б. Ага-яна «Склонение и спряжение в современном армянском языке (структурный анализ)» (на арм. яз.).